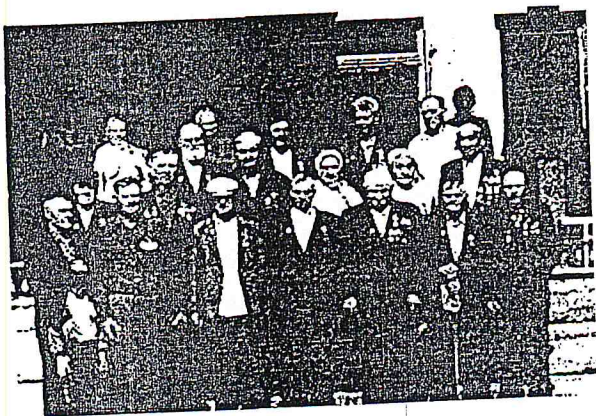

РУКИН ЕГОР ИВАНОВИЧ

Участники Великой Отечественной войны совхоза Боевой, с. Вязовка.
1995 г.

Вернувшиеся на свою малую родину нередко были искалеченными, больными, но, закалившись в боях, отличались великой силой духа.

Вот таким и был Егор Иванович Рукин - гордость Вязовки, эталон настоящего человека. Бывает, человек, получивший тяжелый удар судьбы, не может найти себя, превращается в иждивенца. Другие же противопоставляют ударам судьбы сильную волю, оптимизм, стремление к работе. Они целеустремленны и жизнелюбивы, живут скромно и незаметно, хотя каждый прожитый ими день - подвиг. Такие герои, безусловно, заслуживают благодарность и вечную память потомков.

...Кажется, он угадал эту свою свистящую мину. Успел подумать: неужели моя? Егор даже сознание не потерял, когда увидел, как отлетели его нижние конечности. Именно так в дальнейшем будут фигурировать во всех медицинских документах его ноги - нижние конечности. Мины ложились густо, и Рукин сумел на руках отползти за бугор. Там его и подобрал, в 1942 году на поле боя под Ленинградом. Начались скитания по госпиталям: долго лечился, а затем написал письмо домой.

Жена Вера Семеновна привезла героя-мужа из Оренбурга в родную Вязовку, встречало все село. У ворот дома она помогла Егору вылезти из подводы, и он, опираясь одной рукой на палку, а другой, держась за ее руку,

пошел на коленях к знакомой калитке. Егор все переживал, как встретят его дети, такого «усеченного». Все трое были дома. Александра, Михаил и Петр наперегонки бросились отцу на шею. Нужно было жить, работать и воспитывать детей.

Безногого, фактически нетрудоспособного, его определили как инвалида второй группы. Положили Егору Ивановичу по второй группе пенсию в «невиданных размерах» - 45 рублей. Столько, выходит, стоили его нижние конечности. А чтобы мог передвигаться, разрешили инвалиду держать рабочего быка. И на этом, как говорится, спасибо - у других и того не было.

Как жить дальше - вот вопрос, который мучил Егора Ивановича с тех пор, как очнулся в госпитале после операции без ног. Как встать с кровати, как выйти во двор к скотине, как сходить в гости? Пока решил учиться ходить на коленях. Егор смастерил нечто похожее на лыжи, только укороченные и широкие. На резиновые подошвы из автомобильных камер приспособил войлочные куски, а поверх - ватные прокладки от старых фуфаяк. «Лыжи» привязывались к кулям. Можно было передвигаться. Да и позже, когда появились протезы, тяжелые, приносящие боль, Егор Иванович не отказался от своего изобретения. Все же «лыжи» были удобнее и надежнее.

Постепенно Егор Иванович одолевал все виды домашней работы, которую выполнял и до войны. Утром по морозцу шел в сарайчик, где ждали корова, воловик, овцы. Сам чистил навоз, затем лез по лестнице на поветь за сеном, сбрасывал корм вниз, самостоятельно же спускался по перекладинам лестницы, заносил сено в кормушки. Но чего не мог, того не мог - воды в ведре принести. Тут уж помогали дети, особенно средний из троицы - сын Михаил. Впрочем, тремя детьми Рукины не ограничились. В 1947 году у них родилась Валентина, а еще через три года - Анатолий.

В долгие зимние вечера занялся он обувью: кому сшить башмаки, кому подбить сапоги, кому подшить валенки. В собственной семье только двенадцать валенок, двенадцать ботинок.

Летом наступала другая работа: сажали картошку, бахчи, затем - сенокос.

Зеленая волна разнотравья захлестывала всю приуральскую пойму. Травы вымахивали по пояс. Поджимал сенокос. Егор Иванович с вечера доставал косы, отбивал лезвия, подправлял смолянкой и укладывал инструмент в рыдванчик. Утром, пока роса, он с Михаилом уже в лугах. *«Становись, Мишк, за мной, - говорил сыну, - да не отставай!»*. И махали косами - заготавливали сено на зиму.

На Троицу добродушного и безотказного дядю Егора одолевала деревенская мелюзга - прокати да прокати. Ребяшня набирала в карманы и узелочки шаньги, яйца, всякую другую провизию на весь день и собиралась к дому Рукиных. Все находились в предвкушении большого и веселого праздника и ждали с нетерпением, когда же дядя Егор выведет своего «вороного коня» и все они поедут в луга, на Киргизский остров, где взрослые уже расстелили прямо на траве скатерти с деревенскими «деликатесами». А если в рыдван подсаживалась еще Вера Семеновна, одна из лучших песенниц села, то путешествие к Уралу превращалось в сплошное удовольствие. Тетя Вера прямо от ворот дома заводила какую-нибудь песню. Пока добирались до места, мелкота успевала впитать в себя не одну песенную вариацию. Трезвый Егор Иванович не пел, не поддерживал жену, но к вечеру наверстывал упущенное. Охмелевший возница запевал: *«Ах, Наталка ты Полтавка, казацкого рода, променяла на богатство парня молодого»*.

А как любил Егор Рукин рыбалку! Бывало, выедут к Уралу, он любитесь легкой водяной рябью. То тут, то там ворохнется крупная рыбина ударит хвостом. *«Ну-ка, иди, дочка, - скажет он Валентине, - прикорми вон там, под кручей»*. Обязательно поймают рыбу на крючок. Без улова домой не приезжали.

Бык по кличке «Мишка» работал, можно сказать, на всю Вязовку: был единственным транспортным средством, иначе как на воловике в Оренбург не попасть. Село это - пуховязальное, и периодически у женщин накапливались готовые к продаже пуховые шали, которые надо было

В.Рукина с родителями 1970 г.

автомобиль «Запорожец» с ручным управлением. Как транспорт, конечно, они выигрывали перед воловиком, но зато проигрывали как тягловая сила. Ни дров, ни сена на этих механизированных средствах не привезешь. И бык еще долго оставался в хозяйстве, служа верой и правдой своему владельцу. Когда пришла пора, стали говорить, что нужно быка зарезать. Бык отказался от воды и сена, слезы потекли из глаз, а вместе с ним заплакал и Егор Рукин.

Долго прожил Егор Рукин. Как и другие люди, он мог все: мастерить, косить, рубить, смеяться, шутить, растить детей и хлеб. Единственное, чего он не мог, - не трудиться.